

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. АСТАФЬЕВА»
(КГПУ им. В.П. Астафьева)
Филологический факультет

Кафедра мировой литературы и методики ее преподавания

Полякова Татьяна Викторовна

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

**ИСТОЧНИКИ РОМАНА А.Н. АРХАНГЕЛЬСКОГО «БЮРО
ПРОВЕРКИ»
(МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ЭЛЕКТИВНОГО КУРСА В СТАРШЕЙ ШКОЛЕ)**

Направление подготовки 44.03.05. Педагогическое образование (с двумя профилями
подготовки)

Направленность образовательной программы Русский язык и литература

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

И.о. заведующего кафедрой
канд. филол. наук,
доцент Полуэктова Т.А.

_____ (дата, подпись)

Руководитель канд. филол. наук,
доцент Горбенко А.Ю.

_____ (дата, подпись)

Дата защиты _____
Обучающийся Полякова Т.В.

_____ (дата, подпись)

Оценка _____
(прописью)

Красноярск 2023

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Советский слой романа А.Н. Архангельского «Бюро проверки»	7
1.1. Тема советской культуры в деятельности А.Н. Архангельского	7
1.2. Фигура Ю.В. Трифонова: влияние трифоновской прозы на роман А.Н. Архангельского «Бюро проверки»	13
1.3. Советский кинематограф в кругу интересов А.Н. Архангельского	16
Глава 2. Литературоведческие и кинематографические источники романа А.Н. Архангельского «Бюро проверки»	20
2.1.1. Хронотоп города в романе Архангельского «Бюро проверки» и повести Ю.В. Трифонова «Дом на набережной»	20
2.1.2. Рецепция ключевых мотивов повести Ю.В. Трифонова «Дом на набережной» в романе А.Н. Архангельского «Бюро проверки»	26
2.2. Фильм М.А. Ромма «Девять дней одного года» и роман А.Н. Архангельского «Бюро проверки»: композиция и конфликт	40
Заключение	44
Список использованных источников и литературы	46
Приложение № 1. Урок «Тема предательства в романе Архангельского «Бюро проверки»	50

Введение

Русская литература, начиная с 2000-х годов и заканчивая вторым десятилетием XXI века, не имеет некоего единого, канонизированного вектора развития. Современная русская литература представлена многообразием жанровых форм, что позволяет охватывать широкую аудиторию читателей современных произведений.

Книжный рынок XXI века – это неограниченная возможность выбора произведений и способов их чтения. Литературная сфера развивается в совокупности с развитием Интернет-пространств, телевидения и журналистики. Современная русская литература включает не только создаваемые в данный период книги, но и «возвращенные» произведения писателей прошлого столетия, ставших жертвами репрессий и запретов, что позволяет говорить о преемственности среди писателей. Связь с литературой прошлого столетия играет важную роль для характеристики современного литературного процесса.

Наиболее показательной для описания преемственности между «старшим» и «младшим» поколением современных писателей является проза Александра Николаевича Архангельского. Архангельский одновременно выступает в роли представителя советской эпохи и известного культурного деятеля 2000–2020-х годов. Архангельский относится к числу писателей, описывающих исторические события через призму личного восприятия. Его литературная, телевизионная, журналистская и преподавательская деятельность во многом представлена тематикой СССР, а именно периодами сталинских репрессий, оттепели и перестройки. Произведения Архангельского погружают читателя в мир ушедшей эпохи, наполненной трагическими событиями, описанной на основе детальной передачи быта и умонастроений XX века. Историзм и поэтику романов Архангельского под силу понять только подготовленному читателю, имеющему знания об истории Советского Союза и о литературной ситуации XX–XXI века. О

целевой аудитории своего романа «Бюро проверки», описывающем 1980-е годы прошлого столетия, Архангельский говорит так: «Но когда я закончил и стал думать о читателе – ужаснулся. Старшими и моими сверстниками это может быть отторгнуто: потому что у каждого свои, непохожие воспоминания о 80-м. Молодым будет неинтересно, потому что они не знают, что такое 80-е и не понимают их» [Архангельский 2018].

Историзм современной русской литературы обуславливается стремлением восполнить недостающие знания об эпохе СССР, обнародовать факты, которые писатели прошлого столетия не могли раскрывать в своих произведениях в силу цензурных ограничений.

Актуальность работы обусловлена двумя факторами. Во-первых, мощной тенденцией реактуализации советской культуры в самом широком смысле. Во-вторых, недостаточной изученностью прозы Архангельского, в частности, романа «Бюро проверки» 2018 года, действие которого как раз и происходит в советскую эпоху.

Кроме того, указанные проблемы не имеют исследовательской базы. Литературное творчество Архангельского еще не подвергалось источниковедческому анализу, поэтому представленный в работе разбор источников романа «Бюро проверки» обеспечивает исследованию научную **новизну**.

Объектом исследования являются источники романа Архангельского «Бюро проверки».

Предмет исследования – рецепция элементов поэтики прозы Ю.В. Трифонова и кинематографа М.А. Ромма в романе А.Н. Архангельского «Бюро проверки».

Цель работы – комплексное и системное изучение литературных и кинематографических произведений, ставших важнейшими источниками романа Архангельского «Бюро проверки».

Задачами настоящего исследования являются:

1) на основе корпуса художественных и нефикциональных текстов Архангельского определить специфику отношения автора к советской культуре 1950–1970-х годов;

2) выявить в романе «Бюро проверки» слой аллюзий на повесть Трифонова «Дом на набережной»;

3) проанализировать взаимосвязь романа «Бюро проверки» с фильмом М.А. Ромма «Девять дней одного года».

Материалом данного исследования являются роман А.Н. Архангельского «Бюро проверки», стенограммы интервью с писателем, повесть Ю.В. Трифонова «Дом на набережной» и фильм М.А. Ромма «Девять дней одного года».

Объект и предмет исследования, цель и задачи работы, а также специфика анализируемого материала обусловили выбор биографического, историко-литературного и сравнительно-сопоставительного методов.

Теоретико-методологическую базу исследования составили работы по теории литературы (М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман), труды исследователей прозы Ю.В. Трифонова, к числу которых относятся монографии Н.Б. Ивановой «Проза Юрия Трифонова» и Т. Патера «Обзор творчества и анализ московских повестей Юрия Трифонова». При исследовании основных тенденций развития литературы XX–XXI веков были привлечены работы Н.М. Лейдермана и М.Н. Липовецкого, С.С. Бойко и А.П. Шитова, а также критические работы К. Мильчина и Г. Юзефович, посвященные творчеству А.Н. Архангельского.

Теоретическая значимость работы определяется исследовательским ракурсом, демонстрирующим литературный и кинематографический фон, на котором создан роман А.Н. Архангельского, а также включением прозы Архангельского в контекст русской культуры советского времени.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в научно-педагогической работе при чтении курсов по истории

русской литературы начала XX века, в специальных курсах, а также в эдиционной практике.

Структура работы включает введение, две главы, заключение, список использованной литературы, насчитывающий 40 наименований, и приложение.

Апробация. Основные положения работы были представлены на следующих научных конференциях: Международная научно-практическая конференция «Динамические процессы в языке и языковой картине мира» (Красноярск, КГПУ им. В.П. Астафьева, 28 октября 2022 г.); Международная научно-практическая конференция «III Воропановские чтения» (Красноярск, КГПУ им. В.П. Астафьева, 11–12 ноября 2022 г.); XV Международная научно-практическая конференция молодых исследователей «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» (Красноярск, СФУ, 18–19 апреля 2023 г.) (диплом III степени в секции «Социальные и рецептивные аспекты истории русской литературы»).

Глава 1. Советский слой романа А.Н. Архангельского «Бюро проверки»

1.1. Тема советской культуры в деятельности А.Н. Архангельского

Литературный процесс XX–XXI веков исследователи часто характеризуют как «исторический ренессанс», описывая «давление» и даже «диктат истории» в литературе. В.В. Зеньковский в своей книге «История русской философии» отмечал, что русская мысль «сплошь историософична», она постоянно обращена к вопросам о смысле истории, ее начале и конце, законах исторического развития [Зеньковский 2011: 16].

Связь с историей является важнейшей чертой русской литературы¹. Внимание к прошлому и настоящему, искания нравственной правоты исторического бытия становятся центральным мотивом творчества русских писателей и поэтов. Являясь непосредственными участниками революционных и военных действий, авторы литературных произведений отражают в них не только фактические события времени, но и свое отношение к ним через размышления и диалоги героев, опираясь на личный опыт от пережитого.

Одним из современных писателей, описывающих исторические события, является А.Н. Архангельский (род. 27 апреля 1962 года в Москве) – профессиональный литературовед (окончил факультет русского языка и литературы и аспирантуру МГПИ; кандидат филологических наук), в прошлом литературный критик, публицист, телеведущий, писатель, в недавнем прошлом профессор НИУ ВШЭ.

Архангельский сотрудничал со многими ведущими изданиями, среди которых «Вопросы литературы», «Литературное обозрение», «Искусство кино», «Новый мир», «Новое время», «Независимой газетой», «Литературной

¹ Архангельский описал связь литературы и истории так: «Исторические эпохи сложно соотносятся с литературными. Прямой корреляции нет: время может быть тяжким, тоскливым, а словесность в крутом вираже. И наоборот. Но во времена революционных потрясений связь между словом и делом, между общим настроением и литературным подъёмом – ощутима» [Архангельский 2023].

газетой» и многими другими. С 2002 года писатель работает на телеканале «Культура», является руководителем и ведущим авторской программы «Тем временем», а также цикла документальных фильмов «Фабрики памяти: Библиотеки мира».

К числу произведений Александра Николаевича относятся научные и научно-популярные издания, публицистические статьи, художественные произведения, сборники литературно-критических очерков, а также школьные учебники и методические пособия по русскому языку и литературе.

Центральное место в сфере научной, педагогической, публицистической, кинематографической и литературной деятельности Архангельского занимает история СССР. Тематика СССР рассматривается Архангельским в цикле фильмов «Жара» 2011 года, «Голод» 2022 года, в книгах «1962. Послание к Тимофею» (2007), «Бюро проверки» (2018), циклах лекций в Ельцин-центре «Гражданская война в литературе: культура 80-х как форма политики», «Культура на переломе: до и после распада СССР» и т.д. В своих работах Архангельский высказывает собственный взгляд на события, происходившие в СССР, описывает личный опыт, воспоминания, критикует деятельность литературных журналов.

Третью лекцию на тему «Наследие и наследники», прошедшую 17 декабря 2022 в Ельцин-центре в рамках цикла «Культура на переломе: до и после распада СССР», Архангельский посвятил анализу причин и следствий процесса «заполнения белых пятен» в литературной сфере. На лекции Александр Николаевич поднимал вопросы публикации запрещенных книг в период перестройки и деятельности журналов «Огонек», «Новый мир». «Интерес к запрещённому, непубликуемому в Советском Союзе был в 60-е и 70-е годы, но это был интеллектуальный и отчасти политический запрос, потому что люди хотели чувствовать себя свободными, а символом свободы был доступ к запрещённой литературе», – высказывался лектор [Архангельский 2022].

По словам Архангельского «Перестройка, вернув доступ к запрещённому в СССР огромному пласту культуры, разрушила советскую идеологию и цензуру. Однако в итоге возвращение культурного наследия привело не к осмыслению и проработке прошлого, а к его мифологизации» [Архангельский 2022]. Мифологизация событий, разворачивавшихся в СССР, для Архангельского является огромной ошибкой.

В своих трудах Архангельский раскрывает все реалии прошлого в их подлинном обличье. Подтверждением этого служит авторская серия книг Архангельского «Счастливая жизнь», написанных на основе бесед автора с представителями советской эпохи, ставшими главными героями произведений. Серия включает в себя три книги: «Несогласный Теодор. История жизни Теодора Шанина, рассказанная им самим» (2019), «Русофил. История жизни Жоржа Нива, рассказанная им самим» (2020), «Русский иероглиф. История жизни Инны Ли, рассказанная ею самой» (2022). Как отмечал Архангельский на презентации первых двух книг серии в рамках Московской международной ярмарки книг в 2021 году: «Книжка не про политику, а про историю, про любовь к стране». Герои серии «Счастливая жизнь» – непосредственные участники событий прошлого столетия. Как говорит про героев сам автор: «Это без преувеличения люди Большой Истории» [Архангельский 2020].

Временной промежуток, описываемый в книгах, охватывает 1920 год прошлого века и современность.

В первой книге серии – «Несогласный Теодор», изданной в конце 2019 года, повествуется о жизни основателя Московской школы социальных и экономических наук Теодоре Шанине.

Вторая книга – «Русофил» – описывает историю жизни знаменитого французского слависта Жоржа Нива. Рассказ появился благодаря беседам автора с героем, которые велись более двадцати лет, начиная с конца 1980-х годов. Иллюстрациями для данной книги послужили фотографии из личного архива Жоржа Нива.

Третья книга – «Русский иероглиф. История жизни Инны Ли, рассказанная ею самой», также появилась благодаря беседам Архангельского с одной из известнейших китайских русистов, переводчиков и преподавателей Инной Ли.

Архангельский отмечал: «Серия книг написана исключительно из-за моего интереса к истории человеческих жизней в сложный период истории. С точки зрения продаж, мне стоило писать об известных мультимедийных или политических личностях. Но, повторяюсь, мне просто было интересно писать именно об этих простых людях, переживших сложное время и сумевших сохранить любовь к жизни» [Архангельский 2020a].

Книги из серии «Счастливая жизнь» построены на воспоминаниях героев-рассказчиков. В них раскрыты все детали советской жизни. Главной задачей автора было передать настроение героев, их оптимизм, любовь к стране и стремление трудиться на благо себе и государству. Во всех трех книгах герои рассуждают о том, что человек может приспособиться к любой политической обстановке и не потерять человечность. О сложности работы над написанием биографичных произведений Архангельский высказался на книжном фестивале «Красная площадь» в 2021 году: «Если пишешь для ЖЗЛ, то работаешь со всем “напластованием”, а если пишешь о ныне живущем человеке, то находишься в зоне риска, потому что у каждого живого человека есть собственная жизненная легенда. В этом случае нужно пройти между Сциллой и Харибдой: между мифологизацией и свободным рассказом об этом человеке. Биография – рассказ, если это академическая биография – обобщение. А биография живых людей – это проза, но только очень сложно выстраиваемая, с огромным количеством ограничений, которых нет в художественной литературе, но и с огромным количеством примочек, которых в ней тоже нет» [Архангельский 2021].

Деятельность Архангельского, как было указано выше, не ограничивается написанием книг и научных статей, он также активно занимается разработкой сценариев фильмов. В рамках работы над серией

«Счастливая жизнь» было снято два документальных фильма по первой и второй книгам серии с одноименными названиями. Работа над фильмом, который посвящен заключительной книге серии, ведется до сих пор.

Литературные произведения Архангельского имеют прямую связь с историей. Сюжет произведений разворачивается на фоне знакомых для писателя примет времени. Характерной чертой творчества Архангельского является то, что он детально точно описывает даже те исторические процессы, которые сам не мог наблюдать. О его книге «1962. Послание к Тимофею», описывающей события года рождения писателя, российская писательница, литературовед и литературный критик Майя Александровна Кучерская отозвалась следующим образом: «Александр Архангельский, один из самых талантливых критиков своего поколения, написал о том, что случилось на земле в год его рождения – 1962-й... Прекрасная, трагическая, с таким сочувствием и пониманием описанная здесь жизнь отдельных городов, людей, стран просачивается сквозь ячейки искусно сплетенной сети» [Кучерская 2006].

Роман Архангельского «Бюро проверки», вышедший в 2018 году и попавший в короткий список премии «Большая книга», основан на событиях 1980 года XX века. В интервью для Российской газеты Архангельский описывает 1980 год следующим образом: «80-й год - одна эпоха кончилась, а другая не началась. В это время все, кто еще вчера казался всемогущим, превращается в бессильную структуру, а все, кто еще не представляет из себя ничего, накапливают силы... Это время, когда решается, каким будет будущее. И отчасти становится понятно, каким оно будет... Но никто не знает, когда оно придет» [Архангельский 2018].

Несмотря на то, что хронологически сюжет романа «Бюро проверки» охватывает только 1980 год, важным слоем романа являются события, происходившие в СССР в период сталинских репрессий.

Архангельский активно анализирует данный период в рамках преподавательской, телевизионной и литературно-критической деятельности.

Примером этого служат многочисленные лекции Архангельского на платформе культурно-просветительского проекта Arzamas на следующие темы: «История сильнее вождя», «Дворец под колпаком», «Возвращение философии»; авторский курс лекций «Герои классиков и современников», прочитанный писателем в Ельцин-центре. В данных лекциях Архангельский рассказывает о развитии философии как науки в период тирании и запретов, что является важной составляющей романа, а также освещает проблему публикации художественных произведений, не соответствующих цензурным нормам того времени. Об эпохе запретов на одном из интервью для просветительской платформы Arzamas Архангельский отозвался так: «Сталин – политик мерзкий, но крупный – очень ясно понял, что нужно заниматься гуманитарной сферой, потому что административно страна была подчинена, а гуманитарно – не до конца. Другое дело, что он собирался не развивать гуманитарную сферу, а управлять через нее. Но политик предполагает, Господь располагает: образовался рассадник людей, которые начали в какой-то момент свободно мыслить. Это касается и философии и филологии. Так что Сталин, открыв институции, запустил механизм, на который не рассчитывал. История сильнее вождя» [Архангельский 2015b].

Одним из представителей людей, которых Архангельский описал в интервью, является известный советский писатель Юрий Валентинович Трифонов, которого Архангельский относит к числу своих любимых писателей и исследует его творчество. Архангельский называет Трифонову «недооцененным писателем»². На просветительской платформе Arzamas и в Ельцин-центре Архангельский читал лекции о творческой биографии Трифонова и неоднократно анализировал его повесть «Дом на набережной», которая, по нашему мнению, является одним из главных источников романа «Бюро проверки».

² Ср.: «Он обогатил советскую литературу своим красочным видением жизни, галереей типических образов современников, новыми принципами построения повести и романа» [Эльяшевич 1984: 182].

Для перехода к анализу связей между повестью Трифонова «Дом на набережной» и романом Архангельского «Бюро проверки» следует подробнее рассмотреть фигуру Трифонова как представителя писательской среды эпохи сталинских репрессий.

1.2. Фигура Ю.В. Трифонова: влияние трифоновской прозы на роман А.Н. Архангельского «Бюро проверки»

В главе 1.1. был проведен анализ творческой деятельности А.Н. Архангельского в контексте ее связи с историей СССР. Следует отметить, что развитие литературы второй половины XX века, кратко описанной в рамках творчества Архангельского, происходит в СССР на фоне глубинных изменений, начало которых связывают с таким политическим процессом как «оттепель». «В общественном и культурном сознании эта метафора стала обозначать не только восстановление в правах душевного мира человека, но и либерализацию общественной жизни, реабилитацию и возвращение из лагерей невинно осужденных, и снятие запретов на ряд значимых имен и тем в искусстве, и появление новых журналов» [Бойко 2010: 111]. В связи с либерализацией в подцензурной литературе можно заметить изменения, происходившие в сознании, которые были связаны прежде с коммунистической доктриной. Именно в этот период стала возможной публикация отмеченного выше произведения Трифонова «Дом на набережной».

Трифонов один из крупнейших прозаиков второй половины XX столетия, выразитель умонастроений советской постоттепельной интеллигенции³, лидер городской прозы, писатель-философ. Он писал в

³ Термин «интеллигенция» имеет множество различных интерпретаций. Л.А. Теракопьян: «Интеллигенция – общественный слой работников умственного труда, образованных людей. Интеллигент – это представитель профессии, связанной с умственным трудом (инженер, врач, ученый, художник, писатель), и человек, обладающий умственной порядочностью» [Теракопьян 1979: 661]. Ср.: «Интеллигенция – образованная и мыслящая

жанре «городская проза», является автором таких популярных произведений, как «Старик», «Дом на набережной», «Время и место», «Обмен». Трифонов – ключевая фигура отечественного литературного процесса 1960–1970-х годов.

Центральной проблемой творчества Трифонова, как и Архангельского, является связь человека и истории. «Он рассматривал отношения между человеком и историей с разных сторон, вертел эту проблему, как другу хрусталя, и эволюция мировоззрения Трифонова и динамика его индивидуального стиля непосредственно связаны с той последовательностью, в которой писатель постигал отношения между Человеком и Историей» [Лейдерман 2001: 41–70].

Жизнь Трифонова совпала с одним из самых драматичных периодов в истории России – периодом сталинских репрессий, который в рамках научной деятельности исследует Архангельский. Отец Трифонова – Валентин Андреевич Трифонов относился к числу известных русских революционеров, принимал участие в подпольных организациях, гражданской войне и Октябрьской революции. После революционных событий отец писателя занимал должность председателя Военной коллегии Верховного суда СССР, а мать Евгения Абрамовна Лурье, которая также являлась революционеркой, стала дежурным секретарём ЦК КПСС. В 1837 – 1838 годах родителей писателя репрессировали. Отец был расстрелян, а мать приговорена к восьми годам заключения в Казахстане.

Воспитанием Трифонова впоследствии занималась бабушка. Несколько лет они проживали в знаменитом Доме 12 правительства на набережной Москвы-реки, именем которого более чем через сорок лет была названа повесть «Дом на набережной» [Магд-Соэп 1997: 23].

В 1949 году Трифонов закончил Литинститут⁴. Его дипломной работой стала повесть «Студенты», за которую 17 марта 1951 года писатель получил

часть общества, созидаящая и распространяющая общечеловеческие, нравственные и духовные ценности» [Овсяннико-Куликовский 1989: 78].

⁴ Стоит отметить, что поступление на заочное отделение престижного московского высшего учебного заведения для самого Трифонова, сына репрессированных родителей,

Сталинскую премию. Факт ареста отца и матери писателя, который он не указал в анкете, стал причиной исключения Трифонова из комсомола и возможным лишением премии и отчислением из института. Как пишет сам Трифонов, «меня колотили за прежнее: за то, что скрыл при вступлении в комсомол и при поступлении в институт... Но главное в другом: было время страшных слов. “Сын врага народа”: от такого словосочетания подсакивало давление, повышался сахар в крови и мог случиться коллапс» (цит. по: [Шитов 2011: 320]). Повесть Трифонова «Студенты» на лекции, записанной Архангельским для культурно-просветительского проекта Arzamas, лектор характеризовал следующим образом: «В 1950-м, в разгар антисемитской кампании по борьбе с космополитами, он написал конъюнктурную повесть “Студенты” – о студентах МГУ, сталкивающихся с преподавателями-космополитами и осуждающих их. Тем самым Трифонов переступил через себя: его родители были репрессированы. “Студенты” получают Сталинскую премию, а Трифонов воспринимает этот успех как катастрофу и надолго замолкает» [Архангельский 2015].

Через двадцать лет после издания повести «Студенты», описывающей конфликты, которые «одобрялись» эпохой, сам Трифонов отзывался о ней так: «Сейчас из романа “Студенты”, которым набита целая полка в моём шкафу, я не могу прочесть ни строки. Были бы силы, время и, главное, желание, я переписал бы эту книгу от первой до последней страницы» [Оклянский 1987: 7]. К. де Магд-Соэп отмечает: «Трифонов не любил вспоминать о своём первом романе. Казалось, он его стыдится. Его отношение чётко сформулировано в надписи на подаренной мне книге: “Это книга, которую я не писал”» [Магд-Соэп 1997: 7].

Повесть «Дом на набережной», написанная Трифоновым в 1975 году и впервые изданная в 1976 году в журнале «Дружба народов» (в котором как

стало событием, выходящим за рамки «нормальности» того времени. Трифонов объяснял это так: «Я думаю, что был принят в Литинститут потому, что работал на авиационном заводе и ходил в сапогах и ватнике. И потому, конечно, что в конце сорок четвертого было слишком мало поступающих» [Лейдерман 2001: 5].

критик и публицист печатался Архангельский), стала той самой попыткой Трифонова переписать «Студентов». В «Доме на набережной» описывается вся правда о годах сталинского террора, которая была сокрыта в «Студентах».

Как уже говорилось, Архангельский неоднократно представлял анализ повести Трифонова «Дом на набережной» в рамках лекционной деятельности. В лекции «Трифонов. Дом на набережной», вышедшей на платформе Arzamas в 2015 году, Архангельский говорит о повести Трифонова так: «Вопреки слухам, появившимся после публикации “Дома на набережной” в 1976 году в журнале “Дружба народов”, эта повесть (или маленький роман) легко прошла цензуру. Действие разворачивается в трех временных срезах: 1937, 1947, 1972 годы. В романе ни разу не названо имя Сталина, но всем понятно, что роман о сталинизме, страхе, политическом выборе и моральном крахе человека, вступившего в сделку с системой. В романе защита история самого Трифонова и его произведения» [Архангельский 2015].

Отмеченная связь между жизнью самого писателя (Трифопова) и его повестью «Дом на набережной» подобным образом представлена и в романе Архангельского «Бюро проверки», что еще раз подтверждает влияние Трифонова на писательскую деятельность Архангельского.

1.3. Советский кинематограф в кругу интересов А.Н. Архангельского

Рассмотрение романа Архангельского «Бюро проверки» и его связей с событиями XX века, включая периоды сталинских репрессий и «оттепели», невозможно без описания влияния деятельности Архангельского в кинематографической и телевизионной сфере на его прозу.

На протяжении нескольких лет Архангельский был ведущим информационно-аналитической программы телеканала «Россия-Культура», которая была посвящена культурным событиям, политическим и

экономическим темам. За работу ведущим данной программы в 2006 году Александр Николаевич стал финалистом премии ТЭФИ в номинации «Ведущий информационно-аналитической программы».

В основу фильмов и книг, над которыми работал Архангельский, положено культурное состояние советской эпохи. Архангельский является автором сценариев и ведущим ряда многосерийных документальных фильмов об эпохе СССР, в числе которых: «Фабрика памяти: библиотеки мира» (2004-2011), «Жара» (2011), «Отдел» (2010), «Несогласный Теодор» (2020), «Рубец» (2021), «Голод» (2022) и др.

Важно отметить, что Архангельский неоднократно читал лекции, в которых, наряду с прочим, рассказывал о советском кинематографе. К таким лекциям можно отнести цикл «Культура на переломе: до и после распада СССР», прочитанный им в Ельцин-центре, а также лекции Архангельского на факультете телевидения в МГУ. Советский кинематограф, по мнению Александра Николаевича, делится на достоверный и пытающийся превратить советскую идеологию в «миф о новом прошлом». 17 декабря 2022 года на очередной лекции в Ельцин-центре Архангельский высказался о деятельности советского режиссера Станислава Сергеевича Говорухина следующим образом: «Удобная для воспоминаний Россия. Пророком, который выведет страну из тупика, для Говорухина стал Солженицын. Его фильм о писателе назначил Солженицына тем, кто соединит Россию, которую мы потеряли, проведёт нас мимо России, в которой мы оказались, в ту Россию, которую мы заслужили» [Архангельский 2022]. Как уже было отмечено, для Архангельского важно передавать через фильмы и книги достоверные факты о советской эпохе.

Фильмография Архангельского строится на его воспоминаниях о советской эпохе, интервью с представителями советской интеллигенции, культурных, исторических и политических фактах. Роман «Бюро проверки» и большинство фильмов Архангельского освещают проблемное положение и нравственные метания советской интеллигенции 1920–1980-х годов.

Тематика жизни представителей советской интеллигенции была также популярна в кинематографе 1960-х годов XX века⁵. Человек науки, готовый пожертвовать всем ради достижения научных открытий, становится популярным героем кино в первой половине 1960-х. Одним из наиболее ярких примеров фильмов на данную тему является «Девять дней одного года» Михаила Абрамовича Ромма⁶, появившийся на экранах в 1962 году. Подробное рассмотрение данной кинокартины необходимо для последующего источниковедческого анализа романа Архангельского «Бюро проверки».

Михаил Абрамович Ромм (1901–1971) – известный советский режиссер, снявший семнадцать художественных и документальных фильма. Лауреат пяти Сталинских премий. Ромма называют «человек-эпоха», поскольку он родился еще в Российской империи, но деятельностью в сфере кинематографа занимался уже в Советском Союзе.

Главной целью при создании фильма «Девять дней одного года» Ромм ставил достоверное описание советской ученой среды физиков-ядерщиков. Изначально режиссер хотел назвать фильм «Я иду в неизвестное», поскольку тематика фильма ранее не затрагивалась автором. При разработке сценария кинокартины режиссер беседовал с лауреатом Нобелевской премии по физике 1958 года Игорем Таммом, называя его своим «научным консультантом». Работа над сценарием заняла два года, но еще более трудоемкими и проблемными оказались сами съемки. Декорации на съемочной площадке не передавали в полной мере ученую атмосферу, но съемочной группе удалось попасть в Институт атомной энергии Академии наук СССР, руководителем которого был хороший знакомый Ромма Игорь Курчатов. Фильм частично основан на реальных событиях, пересказанных Михаилу Абрамовичу Игорем Таммом. Прототипами главных героев картины также стали реальные

⁵ Кинематограф середины 1960-х годов в статье «Всемирный телеглаз: советские очки» Архангельский описал как «фон, облучающий сознание граждан» [Архангельский 2006: 436].

⁶ Подробнее об истории создания фильма см.: [Кислухина 2022].

личности, например, при создании образа Владимира Скуйбина режиссер отталкивался от истории жизни известного ученого Стивена Хокинга.

Стремление к детальной достоверности показанных в фильме событий, которое свойственно и Архангельскому при написании романа «Бюро проверки», становится весомым обстоятельством для рассмотрения фильма «Девять дней одного года» в качестве одного из основных источников романа Архангельского.

Таким образом, в первой главе исследования были рассмотрены типологические связи романа Архангельского «Бюро проверки» с культурой Советского Союза, а также проведен обзорный источниковедческий анализ романа. Во второй главе исследования будет представлен подробный анализ связи романа «Бюро проверки» с повестью Трифонова «Дом на набережной» и фильмом Ромма «Девять дней одного года».

Глава 2. Литературоведческие и кинематографические источники романа А.Н. Архангельского «Бюро проверки»

2.1.1. Хронотоп города в романе Архангельского «Бюро проверки» и повести Ю.В. Трифонова «Дом на набережной»

В первой главе данного исследования были отмечены связи романа «Бюро проверки» Архангельского с повестью Трифонова «Дом на набережной».

Одним из оснований полагать, что повесть Трифонова является основным источником романа «Бюро проверки», стала схожесть городского хронотопа произведений.

Классическую характеристику художественного хронотопа дал, как известно, М.М. Бахтин: «В литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп» [Бахтин 1975: 235].

В «Доме на набережной» городской хронотоп представлен Москвой 1940–1970-х годов, а в «Бюро проверки» – Москвой 1980 года. Остановимся на более подробном рассмотрении этих хронотопов.

Повесть Трифонова «Дом на набережной» исследователи относят к «Московскому циклу» городских повестей. Литературный критик М.Ф. Амусин отмечает, что в городской прозе отражается желание авторов «постичь дух городской жизни во всей её противоречивости, исследовать систему взаимоотношений, возникающих между человеком и его урбанизированной средой обитания». Также, в такой прозе, по мнению

Амусина, «ощутимо стремление нащупать болевые точки жизни, сопоставить строй характеров героев с координатами исторического времени, с социально-нравственной нормой, более или менее явно присутствующей в исходной авторской позиции» [Селеменова 2009].

Москва в «Доме на набережной»⁷ выступает в роли «давящей силы», оказывая непосредственное влияние на героев, поглощая их в своем пространстве и лишая индивидуальности. Москва в повести представлена не только в роли привычной среды существования, но и в качестве знаковой системы, формирующей поведение и психологию героев [Селеменова 2009]. Так, например, неблагоприятные погодные условия в столице влияют на настроение главного героя Вадима Глебова и ознаменуют приближение переломных моментов в его жизни: «Москва тем летом задыхалась от зноя и дымной мглы, а Глебову приходилось, как назло проводить много дней в городе, потому что ждали вселения в кооперативный дом, – Глебов заехал в мебельный магазин в новом районе, у черта на рогах, возле Коптевского рынка, и там случилась странная история» [Трифонов 1997: 8]; «Стояли звездные прохладные ночи. Мы жили ночной жизнью и мне запомнились ночи» [Трифонов 1997: 129].

В романе Архангельского «Бюро проверки» описано несколько другое взаимовлияние города и героя. Фабула⁸ романа «Бюро проверки» уместилась в девять дней июля 1980 года, ставшего для Москвы, как было отмечено выше, одновременно и «олимпийским» месяцем, и месяцем, на конец

⁷ «Москва для Трифонова – обжитое пространство, в котором человек чувствует себя защищённым, и одновременно свободным от притязаний близких. И этот “большой дом” связан с представлениями не о тесноте, толчее, суете, а с простором, открытостью, ожиданием или осуществлением новой жизни» [Пискунов 2005: 309].

⁸ Первым русским формалистом, давшим определение понятию «фабула», стал В.Б. Шкловский, который разграничил фабулу и сюжет произведения: «Понятие сюжета слишком часто смешивают описанием событий – тем, что предлагаю условно назвать фабулой. На самом деле фабула есть лишь материал для сюжетного оформления» [Шкловский 1921: 204]. Современная теория литературы опирается на определение фабулы, данное Б.В. Томашевским: «Кратко выражаясь – фабула это то, “что было на самом деле”, сюжет – то, “как узнал об этом читатель”. Совокупность событий в их взаимной внутренней связи и назовем фабулой» [Томашевский 1925: 137].

которого пришлась смерть В. С. Высоцкого. Атмосфера города в романе Архангельского коррелирует с психологическим состоянием главного героя Алексея Ноговицина, который возвращается в Москву по вызову КГБ, обвинившего героя в антисоветских действиях, и не узнает ее: «Москву я узнавал с трудом. Площадь трех вокзалов освежили поливалкой, на дороге заменили рваный слой асфальта, наспех покрасили рыхлые стены домов, оставляя густые затеки пузырчатой краски. В продуктовом заменили вывеску <...> в середину закругленной площади, как белый стержень в солнечных часах, был воткнут накрахмаленный милиционер. Но площадь при этом – безлюдна. И вокруг – зияющая пустота» [Архангельский 2020: 16–17]. Изменения во внешнем облике города символизируют перемены в судьбе героя, но «перемены» здесь стоит понимать как отрицательное явление. Таким образом, в романе Архангельского отношения между героем и городом строятся с помощью параллелизма.

Стоит отметить, что в обоих исследуемых произведениях Москва описывается с точки зрения главных героев. В повести «Дом на набережной» хронотоп Москвы разделен на несколько главных локусов, в которых «обитает» герой на протяжении большей части повествования. Н.Б. Иванова в книге «Проза Юрия Трифонова» отмечает: «Трифонов ограничивает художественное пространство: в основном действие происходит на небольшом пятачке между высоким серым домом на Берсеневской набережной, угрюмым, мрачным зданием, похожим на модернизированный бастион, построенным в конце 20-х годов для ответственных работников (там живет с отчимом Шулепников, там находится квартира профессора Ганчука), – и невзрачным двухэтажным домишком в Дерюгинском подворье, где обитает глебовское семейство» [Иванова 1984: 214].

В повести Трифонова Москва представлена в основном через ключевой образ-локус произведения Дом Правительства. Именно это пространство становится центральной событийной точкой произведения, неслучайно название повести – это неформальное наименование Дома Правительства.

Дом на набережной ассоциируется у главного героя с властью и успехом. Глебов с детства с завистью смотрит на обитателей этого «серого, громадного, наподобие целого города или даже целой страны дома в тысячу окон», ведь сам он проживает в старом, ничем не примечательном домишке, который с годами «покривился». Для Глебова Дом Правительства представляется чем-то недостижимым: «Там, в поднебесных этажах, шла, казалось, совсем иная жизнь, чем внизу, в мелкоте, крашенной по столетней традиции желтой краской» [Трифонов 1997: 18]. Герой с детства ставит себе цель – любой ценой поселиться в доме на набережной и стать одним из его «великих» жителей. Стоит отметить, что Правительственный Дом в повести имеет положительную коннотацию только в восприятии главного героя. В более широком значении – это место, из которого постоянно уезжают люди и больше никогда не возвращаются. С такой точки зрения Дом Правительства становится символом эпохи сталинских репрессий, когда людей «пачками» лишали всех достижений и выселяли из дома на набережной.

Иванова, описывая данный локус повести, отмечает его «поэтажную» иерархию: «Жизнь в нем тоже как бы расслаивается, следуя поэтажной иерархии. Одно дело – огромная квартира Шулепниковых, где можно кататься по коридору чуть ли не на велосипеде. В этом же доме на набережной живет и профессорская семья Ганчуков. Опускаемся еще ниже: на первом этаже большого дома, в квартирке около лифта, живет Антон, самый одаренный из всех мальчишек, не угнетенный сознанием своего убожества, как Глебов. Дом на набережной – внешне недвижим, но не стабилен. Все в нем находится в состоянии напряженного внутреннего движения, борьбы» [Иванова 1984: 215].

Дом Правительства изображен через сравнение с еще одним важным локусом повести – домом самого Вадима Глебова, причем сравнение строится на основе детального описания интерьера комнат. Иванова приводит в пример восприятие Глебовым детской комнаты в квартире Шулепниковых, интерьер которой «экзотичен» для Глебова. Комната

наполнена «какой-то странной бамбуковой мебелью, с коврами на полу, с висящими на стене велосипедными колесами и боксерскими перчатками, с огромным стеклянным глобусом, который вращался, когда внутри зажигалась лампочка, и со старинной подзорной трубой на подоконнике, хорошо укрепленной на треноге для удобства наблюдений» [Трифонов 1997: 26–27]. Локус Дома Правительства противопоставляется локусу глебовского дома даже на основе мелких бытовых деталей, например, в повести противопоставляется содержимое обеденного стола: у Шулепниковых торт могут выкинуть из-за истекшего срока годности, а у Глебовых срок годности торта не имеет значения – он всегда свежий.

Иванова отмечает, что с домом на набережной и Дерюгинским подворьем, где жил Глебов, связаны испытания, через которые проходит герой на протяжении всей повести. Идеализированный Глебовым образ Правительственного Дома, по мнению Ивановой, держит структуру сюжета. Дом на набережной исчезает в тот момент, когда исчезает стремление Глебова поселиться в нем. Герой достигает престижных высот в карьере и жизни, а Правительственный Дом уходит под «воду времени» [Иванова 1984: 217, 227].

Кроме двух отмеченных локусов в повести Трифонова важную роль играет локус Литинститута, в котором обучается Глебов, что коррелирует с локусом МГУ в романе Архангельского. Внутри данных пространств происходят главные события произведений, связанные с профессором Ганчуком, в случае «Дома на набережной», и Сумалеем в «Бюро проверки». Высшие учебные заведения в произведениях не имеют обширного описания, их представление ограничивается констатацией кратковременных пребываний героев внутри данных локусов.

Важно отметить, что в обоих анализируемых произведениях хронотоп Москвы представлен посредством подробных описаний примет эпох, которые рассматриваются в текстах с точки зрения главных героев. Например, в романе Архангельского «Бюро проверки» детальное описание

улиц, зданий и прочих предметов занимает обширную часть произведения: «<...> через пыльные Басманные и вялую Покровку; оттуда в длиннохвостый Лялин переулок. Вдоль тротуаров подсыхали тополя, на скамейках оседали злобные сторожевые бабки» [Архангельский 2020: 41]; «По старому бетонному мосту я перебрался на другую сторону Москва-реки. Постоял у старинных казарм, улыбнулся избыточной церкви в Хамовниках и побрел сквозь марево Садовых улиц – мимо пепельного МИДа, гранитно-серой площадки Восстания, немой Бронной» [Архангельский 2020: 151]. Кроме того, в романе часто описываются бытовые детали. К таким деталям относятся: очки «<...> снял тяжелые и неудобные очки, протер холщовой тряпочкой царапанные линзы: стекла дорогие, цейссовские» [Архангельский 2020: 14]; уличные киоски с мороженым и газировкой: «Я тормознул у киоска с мороженым. У стаканчика рифленые бока. Жирный вкус» [Архангельский 2020: 42], «Мороженое было съедено. Оставалось выпить газировки. Упитанная продавщица выжала рычаг сифона; стакан был горячий, вода ледяная, мелкие пузырьки шибали в нос...» [Архангельский 2020: 44].

Стремление автора детально передать атмосферу эпохи в романе через описание изменений во внешнем облике города столкнулось с осуждением со стороны литературных критиков. К. Мильчин в рецензии «Школота поймет» для газеты «Известия» написал о романе «Бюро проверки»: «Сюжет тут настолько подчинен желанию автора рассказать молодежи об СССР, что иногда он просто незаметен» [Мильчин 2018]. Сходное мнение высказала в своей рецензии Г. Юзефович: «<...> писать о чайном грибе на окошке, об опустевшей по случаю Олимпиады Москве, о бочках с квасом на перекрестках, о клеенке, о дефиците, о куртках из магазина “Польская мода”, о концерте группы “Машина времени”, о разноцветных собраниях классиков за стеклом и тому подобных приметах времени Архангельскому несравненно интереснее <...> Как результат, читатель оказывается погружен в теплый, материальный, подробно обустроенный и великолепно прописанный мир,

действие в котором движется непредсказуемыми скачками <...>⁹ [Юзефович 2020: 257].

Детализация исторических примет в повести Трифонова также основана на описании мелких элементов, например, куртки Левки Шулепникова «На Шулепникове была прекрасная, из коричневой кожи, со множеством “молний” американская куртка. Такие куртки попадались в комиссионных магазинах, но редко, и стоили кучу денег» [Трифонов 1997: 46] и сходным образом подверглась критике со стороны В. Сахарова. Критик характеризует эту прозу следующим образом: «Единственная радость – перебирать обломки прошлого, жить воспоминаниями об утерянном рае», «элегическое воспоминание о “золотых” 30-х годах» [Иванова 1984: 107].

Таким образом, рассмотрение повести Трифонова в качестве источника романа Архангельского «Бюро проверки», в первую очередь, основывается на совпадении в представлении хронотопа города данных произведениях. Хронотоп Москвы в анализируемых произведениях детально представлен в свете событий 1940–1980-х годов XX века. В романе Архангельского городской хронотоп стоит рассматривать в параллели с психологическим состоянием главного героя, а в повести Трифонова «Дом на набережной» данный хронотоп представлен в основном через локус Дома Правительства, который также оказывает влияние на психологию героя, но, кроме этого, является точкой соприкосновения сюжетных линий произведения.

2.1.2. Рецепция ключевых мотивов повести Ю.В. Трифонова «Дом на набережной» в романе А.Н. Архангельского «Бюро проверки»

Рассмотрение мотивной структуры произведений Трифонова и Архангельского является важной для раскрытия источниковедческого характера повести Трифонова «Дом на набережной».

⁹ Ср.: [Десницкий 2018].

Коллизия «Дома на набережной» носит этический характер. В повести тематизируются этические проблемы, встающие перед «обычным советским человеком», который вынужден сделать трудный нравственный выбор.

Главный герой повести, который, в зависимости от хронологии, обозначается сперва как Вадим Александрович Глебов – в начале произведения, отнесенном к 1972 году: «Почти четверть века назад, когда Вадим Александрович Глебов еще не был лысоватым, полным» [Трифонов 1997: 14], а далее – как Глебов, когда речь идет о 1940-х годах: «Глебов решил так» [Трифонов 1997: 16], договаривается о покупке антикварного стола в мебельном магазине, где случайно встречает своего школьного приятеля Лёвку Шулепникова. Глебов не сразу узнает знакомого: «По этой выдавленной ямке и почему-то еще неуловимому, Глебов вдруг догадался, что этот несчастный мебельный “подносила” – дружок давних лет. Понял не глазами, а чем-то другим, каким-то стуком внутри. Но ужасно было вот что: хорошо зная кто это, начисто забыл имя!» [Трифонов 1997: 8]. Когда Глебов узнал и окликнул старого приятеля, тот сделал вид что не узнает Глебова: «— Да ты меня не узнаешь, что ли? Левк! Шулепников выплюнул окурок и, не посмотрев на Глебова, встал и пошел вразвалочку в глубь двора, где начиналась разгрузка контейнера. Глебов, неприятно пораженный, побрел на улицу. Поразило не обличье Левки Шулепы и не жалкость его нынешнего состояния, а то, что Левка не захотел узнавать» [Трифонов 1997: 9].

Поведение Шулепникова при встрече раскрывает фигуру главного героя повести Вадима Глебова. После случайной встречи со старым приятелем Глебов не страдает из-за того, что его не узнали, героя мучает совершенно другое – Глебов поневоле начинает вспоминать детские и юношеские годы, которые ненавидел и упорно старался забыть на протяжении многих лет: «Уж кому-кому, а Левке нечего было обижаться на Глебова. Не Глебов виноват и не люди, а времена. Вот пусть с временами и не здороваются. Опять внезапно: совсем раннее, нищее и глупое, дом на

набережной, снежные дворы. Если честно, Глебов ненавидел те времена, потому что они были его детством» [Трифонов 1997: 10–11].

Старания главного героя забыть события прошлых лет становятся бесполезными после ночного звонка Шулепникова, во время которого тот практически «заставляет» Глебова погрузиться в воспоминания. После этого разговора на Глебова «обрушивается груз прошлого». Он вспоминает о событиях, произошедших с ним в школьные и студенческие годы.

Центральным эпизодом повести является предательство, совершенное Глебовым по отношению к его научному руководителю, профессору Ганчуку. Ганчук относился к числу привилегированных жителей «Большого дома», куда отчаянно стремился попасть Глебов. Сближение с профессором герой рассматривал как возможность исполнить свои мечты о «лучшей жизни». Ради того, чтобы чаще бывать в доме на набережной, Глебов вступает в отношения с дочерью профессора Соней, которую он знал с детства, но замечать начал только тогда, когда узнал о ее близком родстве с профессором Ганчуком: «Глебов остался ночью в квартире Сони и долго не мог заснуть, потому что стал думать о Соне совсем иначе. Он понял, что может полюбить Соню. И он стал бывать у Ганчуков чуть ли не каждый день. То приходил к профессору, то к Соне» [Трифонов 1997: 59–60]. И так, чтобы получить ученую степень по филологии и подняться по социальной лестнице, Глебов всеми способами старается сблизиться с профессором. Ганчук не является идеалом для главного героя, он осуждает его внешний вид, сравнивая профессора с купцами из пьес Островского: «Когда он надевал каракулевую шапку, влезал в белые, обшитые кожей шоколадного цвета бурки и длиннополую шубу, подбитую лисьим мехом, он становился похож на купца из пьес Островского» [Трифонов 1997: 60–61], но, осуждение и зависть Глебова угасают перед желанием добиться «успеха». Главный герой старается угодить Ганчуку при любом удобном случае, даже если это приносит ему ущерб, например, Глебов отправляется на прогулки с профессором в «лютый двадцатипятиградусный мороз», не имея теплой

одежды, при этом обзывая своего научного руководителя за невнимательность к нему: «Вот ведь какой самопуп!» [Трифонов 1997: 61].

Старания Глебова заполучить расположение профессора оправдываются, но, когда Глебов практически добивается всего, чего хотел в жизни, случается переломный момент, характеризующий героя – Ганчук становится очередным объектом травли во время борьбы с «космополитизмом» и «низкопоклонством перед Западом». Стоит отметить, что Глебов узнает о готовящейся «проработке» профессора задолго до официального решения насчет судьбы Ганчука. Героя приглашает побеседовать аспирант Друзьяев. Во время беседы, ссылаясь на близкие отношения Глебова и Ганчука, Друзьяев пытается узнать о подозрительных вещах в кабинете профессора и предлагает герою сменить научного руководителя. После этой странной беседы Глебов решает рассказать обо всем Соне и профессору, но не осмеливается на этот шаг и на время исчезает из жизни Ганчуков: «Он решил, что на следующий день вечером, когда пойдет к Соне, поговорит с Ганчуком. На другой день он к Соне не пошел, на второй и на третий тоже. Вовсе не преднамеренно, находились причины, заботы, он кое-что делал тогда для заработка» [Трифонов 1997: 96]. Когда герой решается рассказать обо всем Соне и профессору, становится уже поздно – Ганчук сам догадывается, что «под него копают». К тому времени Глебов соглашается найти другого научного руководителя, но Ганчук прощает его: «– Понял, прощаю... Впрочем, не буду болтать, понять и значит простить... Но впредь о таких вещах хотелось бы заблаговременно...» [Трифонов 1997: 109].

Далее наступает решающий момент. Глебова просят выступить на собрании, которое должно решить дальнейшую судьбу профессора. Одна сторона конфликта (студенты) подталкивает Глебова поддержать Ганчука: «– Вас использовали, а вы молчите... Вы же молчите, Дима! Почему вы молчите?» [Трифонов 1997: 123], а вторая (администрация института) – публично обвинить. Перед Глебовым стоит сложный выбор: «Вариант

первый: прийти и выступить в защиту. Что этот вариант даст? Озлобление администрации. Прости-прощай стипендия Грибоедова, аспирантура и все прочее. Каков выигрыш от этого варианта? Благодарность Ганчука и всего ганчуковского семейства. Еще более безмерная любовь Сони. Вариант второй: прийти и выступить с критикой Ганчука» [Трифонов 1997: 125–126]. Глебов не может выступить ни за, ни против Ганчука, у него остается два варианта: прийти и отмолчаться, или же совсем не приходиться, но и они его не устраивают – героя мучают сомнения: «Прийти и не выступить, отмолчаться. Этим не угодишь никому. Возненавидят и те, и другие. И это уж последний, больше нет ничего. Не прийти вовсе. Но как? Они предупредили: более чем обязательно. Значит, причина должна быть роковая, космическая» [Трифонов 1997: 127].

Накануне собрания умирает бабушка главного героя, и Глебов воспринимает это событие¹⁰ как провиденциальное, позволившее ему невольно уклониться от выбора: «Так начался четверг. И никуда в этот день Глебову не пришлось идти» [Трифонов 1997: 129]. После собрания Глебов довольно резко обрывает отношения с дочерью профессора Соней, женитьба на которой нужна была ему для выгодного сближения с влиятельным профессором. Обдумывая это решение, Глебов делает вывод, что профессор Ганчук уже не может помочь ему в научных исследованиях, а близость к нему может лишь помешать его карьере: «Сони нет. И о профессоре Ганчуке ничего неизвестно, скорей всего, тоже нет, а если и есть, то все равно, что нет»; «Все то, что доносилось к нему из прошлого <...> теперь не вызывало никаких чувств, отшелушилось, отпало» [Трифонов 1997: 133–135].

Трифонов создает фигуру главного героя в первую очередь с помощью изображения его страха перед государством и зависти к привилегированным знакомым (например, Шулепникову и его отчиму). Это позволяет писателю обострить ключевые черты человека «никакого», «всеугодного», легко

¹⁰ Напомним, что Ю.М. Лотман определяет событие как «перемещение персонажа через границу семантического поля» [Лотман 1970: 282]. Ср.: [Тамарченко 2001].

перестраивающегося в зависимости от обстоятельств [Лейдерман 2001: 41–70].

Спустя много лет, размышляя о своих поступках, Глебов ищет оправдания своего предательства профессора, ставшего жертвой сталинских репрессий, и его дочери Сони. Размышления приводят его лишь к одному выводу – выводу о детерминированности его решений эпохой, афористически сформулированному так: «виновато время».

Проблематика повести обращена к этическим поискам и коллизиям, внутреннему миру человека, который в определенных жизненных условиях поставлен перед необходимостью сделать нравственный выбор. Главный герой повести – Глебов ищет оправдания своего предательства профессора Ганчука, который стал жертвой Сталинских репрессий, и его дочери Сони. Иными словами, ключевым, структурообразующим мотивом важнейшей повести Трифонова становится мотив предательства учителя учеником. Глебов старался не вспоминать о своих поступках: «<...> всю жизнь старался об этом забыть, и почти удалось, почти забылось <...> и сохранилось лишь в виде слабого сжатия посередине груди, как от давно миновавшего ужаса»; «Старался не помнить лица Юлии Михайловны. Застывшее лицо, бескровное лицо забывалось ненадолго, но вдруг опять появлялось»; «Он старался не помнить. То, что не помнилось, переставало существовать» [Трифонов 1997: 129–134]. Так мотив предательства образует комплекс с мотивом «беспамятства».

17 сентября 2015 г. на платформе просветительского проекта Arzamas появилась лекция Александра Николаевича Архангельского, посвященная «Дому на набережной». В своей лекции о повести Трифонова Архангельский, в числе прочего, говорил о том, что «Вадим Глебов должен совершить выбор: он со своим учителем Ганчуком, попавшим под политическую кампанию, или не с ним». По словам лектора, «Трифонов начинает вскрывать механизмы политического террора», который по логике Трифонова, реконструируемой Архангельским, «замешан не на идеалах, пускай ложно

понятых, и даже не на простой человеческой слабости, а круто замешан на зависти». По словам Архангельского, Глебов последовательно предаёт любовь и науку. «Со своим учителем Ганчуком он связан не столько отношениями научной преемственности, сколько мечтой проникнуть в Дом на набережной, где этот Ганчук живет. Ради этого разворачивается любовный роман, и он предаёт любовь. Ради этого разворачивается его научная карьера, и он предаёт науку. Ради этого он то ли готов, то ли не готов предать своего учителя» [Архангельский 2015].

В структуру романа Архангельского «Бюро проверки», вышедшем в 2018 году, имплицирована важная для этой структуры полемика автора с «Домом на набережной». Весомым источниковедческим аргументом, подкрепляющим тезис о рецепции трифоновской мотивики в романе Архангельского, являются его слова о важности трифоновского «слоя» «Бюро проверки», расшифровать который, по мнению прозаика, может лишь проницательный читатель, сказанные на встрече с читателями, состоявшейся в рамках Красноярской ярмарки книжной культуры (КРЯКК) в ноябре 2019 года.

«Бюро проверки», как «Дом на набережной», построен на воспоминаниях рассказчика о событиях его юности. Главный герой романа – аспирант философского отделения МГУ Алексей Ноговицын, живущий в эпоху, которую сам Архангельский характеризовал как время «наивных, верящих в правильное социальное обустройство жизни людей. Этаким коммунистов без коммунизма: когда-нибудь будет так, чтобы все по справедливости» [Архангельский 2018], проходит испытание, о котором вспоминает спустя годы.

В романе «Бюро проверки» описывается противоположная трифоновской версия предательства. Ноговицын оказывается в ситуации, подобной той, в которой оказался его «литературный предок» Вадим Глебов. Молодой аспирант Ноговицын так же, как и профессор Ганчук в «Доме на набережной», обвиняется в антисоветских действиях, он оказывается перед

выбором: спасти себя, чем бы это ни грозило окружающим его людям (тем самым сделав выбор, аналогичный выбору Глебова), или же остаться верным себе.

Объект подражания Ноговицына, его ролевая модель – харизматичный профессор Сумалей, преподававший «Философские аспекты урбанизма» и собиравшийся издать сборник своих научных трудов, становится для героя человеком, от которого он надеялся получить ответы на все ключевые вопросы. Главный герой подвергается влиянию профессора с первых занятий: «<...> занятия у Сумалея возбуждали, как впервые выкуренная сигарета или как “Советское шампанское” в десятом классе, выпитое исподтишка на пятерых» [Архангельский 2020: 27]. М.М. Сумалей в романе, с самого первого упоминания о нем повествователя, описывается как «виновник» случившегося с Ноговицыным: «А ведь это все Сумалей М.М. Его работа. Хотя я так и не успел узнать, был ли Михаил Мираныч “практикующим” – то есть ходил ли на службы, исповедовался и причащался. С ним было бесполезно говорить на эти темы» [Архангельский 2020: 26]. Главный герой, вспоминая о событиях студенческих лет, осознает, что именно профессор Сумалей подтолкнул его на крещение, но сам он не сознавался в своей вере, и именно связь с профессором стала причиной всех неприятностей.

Взаимоотношения Сумалея и Ноговицына в романе Архангельского являются зеркальным отражением взаимоотношений Ганчука и Глебова. В повести Трифонова студент сближается с профессором ради собственной выгоды, а в романе Архангельского – профессор является инициатором сближения с аспирантом: «<...> воткнул в меня свой долгий непонятный взгляд. И вдруг добавил полусшепотом, чтобы не привлечь стороннего внимания: мне кажется, мы сможем с вами пообщаться» [Архангельский 2020: 34]. Профессор Сумалей – это герой-провокатор. Он разговаривает со студентами на темы, запрещенные в СССР. К числу таких тем относится тема

религии¹¹. Сумалей назначает зачет седьмого января и поздравляет студентов с «новым, одна тыкскыть, тысяча девятьсот семьдесят восьмым годом от Рождества Христова» [Архангельский 2020: 33]. Во время беседы с Ноговицыным Сумалей пытается выяснить о его отношении к церкви: «Он протянул листок, на котором стремительным бисером было написано: “Марксисты не боятся изучать религию как конгломерат конкретных знаний; эстетика свободна от дурмана”» [Архангельский 2020: 38]. Кроме того, Сумалей подталкивает аспиранта Ноговицына читать запрещенные книги, даже сам предоставляет ему их, и смотреть запрещенные фильмы, например, фильм Лени Рифеншталь «Олимпия», при этом он предупреждает студента: «– В общем, этсамое, увидите. Только помните: кино фашистское, зажопят, этсамое, не поздоровится. Предупреждаю с большевицкой прямоотой» [Архангельский 2020: 56]. Стоит отметить, что в конце каждого разговора на запрещенные темы, профессор делает оговорку: «Надеюсь, разговор останется между нами, но как вам будет угодно» [Архангельский 2020: 39], чтобы «втереться» в доверие главного героя и остаться невиновным, если об этих разговорах узнает администрация вуза.

Сумалей оказывается персонажем-манипулятором, ведущим за собой, но держащим на расстоянии. Принимая молодого аспиранта, беседуя с ним на различные смелые темы, Сумалею все же удается остаться в стороне, от конфликта. Когда администрация вуза узнает от КГБ о его беседах со студентами и начинает расспрашивать Ноговицына, герой сразу рассказывает обо всем профессору, что отличает его от Глебова. Сумалей, узнав о случившемся, старается скорее закрыть тему и выпроводить студента:

«– Вот что, уважаемый Ляксей Арнольдovich. Давайте этим на сегодня ограничимся. Завтра, там, или когда. Мне надо кое-что обмозговать. Не смею вас больше задерживать.

¹¹ «<...> интересно, что 1970-е и первая половина 1980-х годов стали временем очень важным для внутренней жизни Церкви. В этот период, на рубеже 1960–70-х, появляются новые верующие – молодые люди, выросшие вне традиционной религиозной среды, но искавшие новые формы церковной жизни и церковной деятельности» [Кузенков 2017].

– Хорошо, – ответил я; из этого дома меня выставляли впервые.

– И вот еще что. Если что, я сам вам позвоню, из автомата. Вы сейчас под ударом, а мне рисковать не с руки. У меня опять уходит книга в типографию, прям вот на днях. Теперь уже действительно последняя, итоговая. Так что... В общем, держите меня в курсе» [Архангельский 2020: 284].

Стоит обратить внимание на фразу Сумалея «Вы сейчас под ударом, а мне рисковать не с руки», которая ярко описывает желание профессора остаться невиновным и не помогать Ноговицыну. Когда Сумалей понимает, что дело «набирает серьезные обороты» он исчезает, оставляя Ноговицына один на один с деканатом и КГБ. Единственным человеком, который поддерживает Алексея в трудной ситуации и пытается открыть ему глаза на профессора, оказывается секретарь декана философского отделения Ольга Семеновна, получившая от студентов прозвище «Баба Оля». Она прямо говорит герою о подлости Сумалея: «– Ваш Сумалей в своем репертуаре. Трубку снял, но молчит. Я говорю: алло, алло – не отвечает. Вы же его знаете. Опытный лис. Может на дачу уехал, может что. Думаю, теперь до сентября: он же в отпуске, имеет право» [Архангельский 2020: 338]. Но герой, в силу молодой наивности, все же остается верен своему научному руководителю и старается отыскать его, чтобы предупредить. Когда он случайно встречает Сумалея в книжном магазине, тот ведет себя испуганно и осторожно. Алексей в подробностях рассказывает профессору о разговоре с деканом и представителем КГБ и ждет поддержки, но Сумалея заботит только его положение – он прямо говорит аспиранту, что до защиты его не допустят и исход ситуации один – служба в армии. При этом Сумалей старается оказать «ложную помощь», предлагая Ноговицыну «подставиться самому»:

«– Над вами нависла угроза. Так? Большая угроза. Так? Значит – что? А? Значит – вы сами подставьтесь. Я вам точно говорю, подставьтесь.

– Вы хотели спросить меня – как? Поясняю. Завтра, на комиссии, сделайте, тыскыть, заявление. О том, что вы подделали цитату» [Архангельский 2020: 347].

Ноговицын отказывается подставляться, тогда профессор окончательно отдаляется от него, говоря: «– Тогда давайте сами, без меня. Договорились? Вы ошиблись, вы раскаялись и хотите признаться. Я тут ни при чем! Ни сном ни духом! До свидания, Алексей Арнольдович! До встречи после службы!» [Архангельский 2020: 348].

И так, в романе Архангельского профессор наделен чертами отрицательного персонажа, тогда как в трифоновской повести Ганчук представлен как жертва.

Архангельский усложняет трифоновскую версию предательства тем, что его героя предаёт не только научный руководитель. Если Глебов в повести Трифонова не подвергается предательству со стороны друзей, то Ноговицын переживает предательство близкой знакомой Ани Насоновой, с которой они часто пересекались на воскресных церковных службах и обменивались книгами, которые Ноговицыну давал Сумалей. При последней встрече с Насоновой героя насторожило её странное поведение: «Она была как будто не в себе; то её бросало в жар, то в холод, то она как будто тормозила, то начинала дробно бормотать» [Архангельский 2020: 106]. Аня попросила Алексея не искать её – эта просьба окончательно запутала героя: «Зачем она мне это говорила? Как будто я её когда-нибудь искал... Вдруг Насонова пробормотала странную, совсем уже бессмысленную фразу: – А в общем, как будет, так будет. Прощай» [Архангельский 2020: 107]. Спустя несколько дней, во время допроса в КГБ, главный герой узнаёт, что Насонова донесла на него: «– Насонова решила проявить гражданскую сознательность. Нам передан перечень книг, которые вы получали от неё и приносили ей» [Архангельский 2020: 394]. Кроме того, Насонова рассказала, что регулярно видела Ноговицына выходящим из церкви, но не упомянула о своих

посещениях церкви и о том, что сама читала книги, полученные от Ноговицына.

Образ Ноговицына в романе также противопоставлен образу Глебова. При всей молодой наивности Ноговицын не подстраивается под требования времени, как Глебов в «Доме на набережной» – он не пытается избежать допросов, не боится защищать Сумалея. Ни предательство близкой знакомой Насоновой, ни отдаление полюбившегося профессора, пытающегося сохранить свою репутацию, которое также приравнивается к предательству, ни уговоры следователей на допросе не смогли сломить Ноговицына – он не выдает своих знакомых на допросах:

«– Ты сейчас при всех признаешь, что у Сумалея был кружок. Не религиозный, согласились. Но домашний. Мы запротоколируем. Перечислишь Дуганкова, Насонову и... кого там наши повязали? На Кутузовском. Им ничего не сделают, поверь мне...

– Спасибо вам большое... но не надо.

– Почему это не надо?

– Во-первых, Сумалей с Насоновой не связан, он вряд ли помнит о ее существовании, какой там может быть кружок! А главное, я не хочу стучать на Сумалея. Не хочу – и не буду» [Архангельский 2020: 402].

Решимость Ноговицына оставаться на своей позиции подчеркивается синтаксически, с помощью тире, отделяющего первое утверждение («не хочу») от второго («не буду»).

Алексей Ноговицын несмотря ни на что остается верным себе. В отличие от своего литературного «отца», трифоновского Глебова, он не предаст своего учителя ради собственного благополучия. В романе Архангельского предательство совершает учитель, инвертируя тем самым систему персонажей повести Трифонова. Стоит отметить, что в романе Архангельского конфликт, описанный у Трифонова, обостряется религиозной тематикой – главный герой не только встает перед выбором, подобным выбору Глебова, он также переживает внутренний конфликт:

верить в Бога, или же отречься от него¹². На протяжении всего романа главный герой ведет тайную переписку с иеромонахом Артемием. В своих письмах Ноговицын подробно рассказывает о душевных метаниях и о допросах КГБ. Но эта переписка также оказывается подставной – позднее главный герой выяснит, что никакого отца Артемия не было, его письма получал совершенно другой человек, и именно эти письма стали одной из главных причин преследования КГБ. На заключительном допросе Ноговицыну показывают донесение, написанное той же печатной машинкой, которой пользовался отец Артемий: «Стиль чужой, с намеренной ошибкой, но печатная машинка та же самая, принадлежащая отцу Артемию. И рассказано о том, что знает только он – и во что сам меня втянул» [Архангельский 2020: 400]. Автор не раскрывает истинную личность отца Артемия. Данная переписка включена в сюжетный слой романа для раскрытия образа главного героя и образа КГБ. 1980 год, описанный Архангельским в «Бюро проверки», время, когда советская система уже значительно ослабевает, когда КГБ вмешивается в церковную жизнь граждан, но появляются такие смелые личности, как Алексей Ноговицын, готовые отстаивать свои убеждения, в том числе религиозные.

В романе Архангельского также присутствует мотивный комплекс предательство + беспамятство, который раскрыт в повести Трифонова «Дом на набережной». Однако и здесь важнее отличия.

В «Доме на набережной» читаем такое описание переживаний главного героя: «он старался не помнить. То, что не помнилось, переставало существовать» [Трифонов 1997: 133].

¹² Д.Л. Быков о религиозных метаниях героя высказался так: «У меня претензия к этой книге – я не понимаю, с чего герой, собственно, ищет Бога. В те времена уверовать было легче, нежели теперь: нынешнее время плоско, как асфальт, и возможность чуда не просматривается – разве что Бабченко воскреснет; тогда же возможностью чуда веяло отовсюду, метафизический сквозняк подувал во все щели все более дырявой советской реальности, видна была волшебная изнанка бытия – может быть, потому, что ткань его истончилась» [Быков 2018].

В романе «Бюро проверки» представлен негатив этого мотива – Ноговицын не только не забывает о роковых событиях студенчества, но и полностью погружается в них: «Я сознавал одно: беда пришла не от тех, кого я презирал и боялся, а от тех, кого я любил и кому верил» [Архангельский 2020: 441].

В «Доме на набережной» повествование ведется как олимпийским нарратором¹³, так и от лица главного героя повести Глебова, что автоматически устанавливает существенную дистанцию между автором и героем. В «Бюро проверки» же рассказчиком является сам главный герой, Ноговицын, что, наоборот, автоматически сокращает расстояние между конкретным автором и созданным его воображением персонажем. Однако сам Архангельский специально подчеркивает эту дистанцию, говоря в одном из интервью: «<...> у моего героя своя, а не моя, речь. И двойная – герой рассказывает о временах, бывших когда-то, но написано-то это сейчас. Мы все втроем друг от друга отличаемся. Герой, отличаясь от меня, отличается и от того, про кого рассказывает – себя молодого» [Архангельский 2018].

Таким образом, рецепция трифоновских мотивов в романе «Бюро проверки», как кажется, носит отчетливо полемический характер. Если у Трифонова предательство, пусть и не совсем прямое, совершает ученик по отношению к учителю, то в романе Архангельского эта ситуация инвертирована. Герой Архангельского является антиподом Глебова из «Дома на набережной». В отличие от своего предшественника, он не пытается забыть о «роковых» событиях своей жизни, не поддаваясь давлению среды и нарушая тем самым незыблемый в случае Глебова закон социального детерминизма. Мотив предательства в обоих произведениях неотделим от мотива беспамьятства, что соотносится с определением самого понятия «мотив» Б.М. Гаспаровым как факта, который «распадется на ряд мотивов и

¹³ По Шмиду олимпийский нарратор «всеведущий» и «вездесущий»: «Всеведущий вездесущий нарратор – богоподобная инстанция, которая нарратологической традиции не раз обозначалась как “олимпийская”» [Шмид 2003: 70].

в то же время станет неотделим от других мотивов <...>» [Гаспаров 1993:31]. Такое детальное сходство мотивной структуры произведений позволяет утверждать, что повесть «Дом на набережной» является важнейшим источником романа «Бюро проверки».

2.2. Фильм М.А. Ромма «Девять дней одного года» и роман А.Н. Архангельского «Бюро проверки»: композиция и конфликт

Структура романа Архангельского «Бюро проверки» включает в себя три части: «Возвращение», «Свидание», «Девятый день». Две первые части состоят из четырех глав, названных по порядку следования дней, которые конкретизированы датами: «День первый. 19.07.1980» и далее до восьмого дня (26.07.1980). Третья часть «Девятый день» описывает последний – девятый день, как видно уже из ее названия, 28.07.1980 г.

Такое композиционное решение отсылает читателя романа Архангельского к фильму известного советского кинорежиссера Михаила Абрамовича Ромма «Девять дней одного года», вышедшему в 1962 году.

В фильме Ромма, как полувеком позже в «Бюро проверки», главы названы по порядку дней – «День первый», «День второй» и т.д. до девятого дня. Но, в отличие, от романа Архангельского, дни не идут друг за другом подряд, а охватывают целый год, промежуток же между ними может составлять от недели до нескольких месяцев.

Действие «Девяти дней одного года» происходит в 1960-е годы прошлого столетия. Сюжет фильма (как это впоследствии будет и в романе Архангельского) разворачивается вокруг деятельности ученых, с той разницей, что у Ромма это не гуманитарии, а физики-ядерщики, экспериментатор Дмитрий Гусев и теоретик Илья Куликов, которые влюбляются в одну девушку.

Дмитрий Гусев в ходе научных испытаний дважды получает значительную дозу радиации, которая оказывается смертельной. Несмотря на

опасность для жизни, он решает завершить эксперимент, начатый его наставником Синцовым. В фильме Ромма раскрывается несколько другой внутренний конфликт героя, нежели в романе Архангельского. Гусев не подвергается никаким преследованиям, ему не угрожает тюремное заключение, как Ноговицыну, но он должен сделать не менее важный выбор – остаться живым и здоровым, забросив эксперимент с неочевидным результатом, или же рискнуть жизнью, любовью и дружбой, чтобы добиться научного прорыва.

Наряду с этим, в фильме показан еще один конфликт – любовный, который уже был кратко обозначен выше. Гусев и Куликов оказываются влюбленными в одну девушку – Лелю, которая, выбирая между двумя друзьями, отдает предпочтение сначала Куликову, а после известия о решении Дмитрия продолжать опасный эксперимент выходит замуж за второго. Так двое друзей – представителей инженерно-технической интеллигенции 1960-х годов, вынужденно становятся соперниками. Режиссер оставляет эту вражду нераскрытой. Зритель не видит сцен, где герои бы ссорились друг с другом, напротив, эта «вражда» (в кавычках), сходит на нет сама по себе и разрешается весьма необычно для зрителя – Куликов становится главным помощником Гусева в ходе эксперимента.

В «Бюро с проверки» также есть соперничество героев, но разница с фильмом Ромма состоит в том, что конфликт ученых в романе Архангельского заключается в предательстве ради спасения научной карьеры, а не лежит в любовной плоскости. Любовная линия романа Архангельского представлена отношениями главного героя с девушкой Мусей, которая никак не связана с ученой средой. Архангельский и Ромм показывают разные стороны жизни ученых (гуманитариев и физиков) в разные периоды существования СССР.

Композиция фильма, как охарактеризовал ее сам режиссер в книге 1975 года «Беседы о кинорежиссуре», строится следующим образом: «Вся первая половина “Девяти дней одного года”, вплоть до свадьбы, есть не что иное,

как невероятно распухшая экспозиция. Только во время свадьбы мы знакомимся с рядом очень важных для нас героев картины. Таким образом, экспозиция занимает больше половины фильма. Засим следует перипетийная часть. Она очень коротка, всего один день и одно утро. Кульминация перипетийной части – это удачный опыт. А дальше идет непомерно растянутый финал, настолько растянутый, что он мог бы длиться сколько угодно частей и мог бы быть оборван гораздо раньше» [Ромм 1975: 199].

Подобным образом выстроил композицию своего романа и Архангельский. Первая часть книги, с первой и до середины четвертой главы, является экспозицией, в ходе которой автор знакомит читателя с главным героем, его окружением и бытом. Завязка и кульминация действия помещены во второй половине четвертой и пятой главах романа, описывающих допросы Ноговицина в КГБ и предательство, совершенное по отношению к нему ему учителем Сумалеем. Далее, как и в фильме Ромма, следует «непомерно растянутый» финал, продолжающийся с шестой главы по девятую. В финале подробно описывается развитие взаимоотношений между Ноговициным и предавшим его Сумалеем.

Заканчивается роман философскими размышлениями Алексея, сигнализирующими об открытости финала: «И все-таки тоска не подступала, лишь нарастало сладостное чувство ожидания, словно прошлое уже ушло, а новое еще не наступило. Было в этом что-то ветхое, индийское. Грязный Ганг, погребальный челнок, загорелые люди, прекрасная и всеживая смерть» [Архангельский 2020: 444].

Открытым финалом заканчивается и фильм Ромма. Его заключительная сцена показывает главного героя Гусева, который ложится в больницу для проведения экспериментальной операции по пересадке органов, в надежде на излечение от полученной радиации. После разговора с Куликовым, пришедшим навестить главного героя вместе с его женой Лелей, Гусев отправляет Леле записку с текстом: «Леля! Если Илья раздобудет мне какие-нибудь брюки, мы успеем махнуть в “Арагви”!». Текст записки, снятый

крупным планом, завершает фильм и оставляет зрителя с рядом вопросов: Выжил ли Гусев? Довел ли он до конца свой эксперимент? Стал ли известным ученым-ядерщиком? Архангельский также оставляет читателя с размышлениями о судьбе главного героя. Во время последнего допроса, Ноговицын собирается принять участие в военных действиях на территории Афганистана, но представитель администрации МГУ объявляет аспиранту о невозможности такого решения:

«– Я ускоренно пройду учебку и попрошусь в Афганистан. В эту трудную минуту прошу позволить мне...интернациональный долг...

– Разбежался. Добровольцев туда не берут, особенно из москвичей» [Архангельский 2020: 404].

Ноговицын все же пишет заявление, которое подписывает декан и отпускает Ноговицына с допроса. И так, читатель точно знает, что героя не посадили в тюрьму, но не ясно – отправился ли он служить.

Все сказанное выше позволяет разглядеть рецепцию в романе Александра Архангельского «Бюро проверки» различных элементов поэтики картины Михаила Абрамовича Ромма «Девять дней одного года», делая его одним из ключевых источников романа, наряду с повестью Юрия Валентиновича Трифонова «Дом на набережной». Архангельский имплицировал в свой роман, описывающий поздний период Советского Союза и характерные черты периода конца хрущевской оттепели, показанные в фильме Ромма, и черты 1940–1970-х годов, описанные Трифиновым в «Доме на набережной».

Заключение

Советская литература и культура являются ключевой темой прозы Архангельского, что подтверждают многочисленные книги писателя, описывающие различные события напряженного и драматичного XX столетия. Значительное место, которое заняла советская культура на литературную деятельность А.Н. Архангельского и – шире – его чрезвычайно разностороннюю деятельность вообще обусловили то, что в центре нашего внимания оказались советские источники важнейшего романа Архангельского «Бюро проверки». Относясь к числу популярных современных авторов, Архангельский своей фигурой воплощает тезис о преемственности литературных поколений. В своем романе «Бюро проверки» он сумел изложить личный взгляд на события 1980 года, при этом поэтика романа во многом перекликается с литературой и кинематографом 1960–1970-х годов.

Мы рассмотрели различные аспекты деятельности Архангельского, которые тесно связаны с культурой и историей СССР, а также провели источниковедческий анализ романа Архангельского «Бюро проверки».

В ходе исследования мы изучили ключевые для поэтики «Бюро проверки» литературные и кинематографические источники этого романа. Этими источниками стали, как мы постарались показать повесть Трифонова «Дом на набережной» и картина М.А. Ромма «Девять дней одного года», которые репрезентировали важнейшие для Архангельского коллизии советской интеллигенции разных поколений.

Нами были изучены основные компоненты как художественных, так и нефикциональных текстов Архангельского, а также повести Ю.В. Трифонова «Дом на набережной». Кроме того, был проведен образный и мотивный анализ произведений, а также рассмотрена поэтика фильма Ромма «Девять дней одного года», оказавшая, как показывает внимательный сопоставительный анализ, существенное влияние на «Бюро проверки».

Однако тема нашего диплома, разумеется, может быть масштабирована. Перспективой является привлечение других повестей Ю.В. Трифонова и романов Домбровского «Хранитель древностей» и «Факультет ненужных вещей» в качестве источников прозы Архангельского. С другой стороны, к подобного рода источниковедческому анализу могут быть привлечены другие книги Архангельского, прежде всего его романы «Цена отсечения» и «Музей Революции», книга, синтезирующая в своей структуре элементы художественной литературы и нехудожественной словесности, – «1962. Послание к Тимофею», а также серия биографических работ «Счастливая жизнь», состоящая на данный момент из трех книг.

Список использованных источников и литературы

1. Архангельский А.Н. Бюро проверки. М.: Редакция Елены Шубиной, 2020. 442 с.
2. Архангельский А.Н. Наследие и наследники / Стенограмма Н. Шурминой // Ельцин-центр. 17.12.2022. URL: <https://yeltsin.ru/news/aleksandr-arhangel'skij-nam-nuzhno-bylo-udobnoe-proshloe/> (дата обращения: 10.06.2023).
3. Архангельский А.Н. Серия «Счастливая жизнь» Александр Николаевич Архангельский // YouTube. 30.09.2020а. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zsvindveJrk> (дата обращения: 24.06.2023).
4. Архангельский А.Н. Кому позволено писать чужую биографию / Стенограмма Л. Прохоровой // Год литературы. 20.06.2021. URL: <https://godliteratury.ru/articles/2021/06/20/biografiia-mezhdu-ogranicheniami-i-primochkami> (дата обращения: 10.06.2023).
5. Архангельский А.Н. Конспект. Трифионов «Дом на набережной» // Arzamas.academy. 17.09.2015. URL: <https://arzamas.academy/materials/846> (дата обращения: 10.06.2023).
6. Архангельский А.Н. История сильнее вождя [интервью Ю. Богатко] // Arzamas.academy. 5.03.2015b. URL: <https://arzamas.academy/materials/260> (дата обращения: 10.06.2023).
7. Архангельский А.Н. Б.н. [интервью Е. Яковлевой] // Российская газета. 29.11.2018. URL: <https://rg.ru/2018/11/29/aleksandr-arhangel'skij-rasskazal-rg-o-svoem-romane-biuro-proverki.html> (дата обращения: 10.06.2023).
8. Архангельский А.Н. Всемирный телеглаз: советские очки // Архангельский А.Н. Гуманитарная политика: Статьи для газеты «Известия»: 11 сентября 2001–11 сентября 2005. М.: ОГИ, 2006. С. 435–439.
9. Архангельский А.Н. Perestroika и литература // Полка. 23.05.2023. URL: <https://polka.academy/materials/910> (дата обращения: 10.06.2023).
10. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.

11. Бойко С.С. Повтор сюжета в русской прозе второй половины XX в.: Ю. Трифонов, А. Приставкин, Б. Окуджава // Вестник РГГУ. 2010. № 11 (54). Серия «Филологические науки. Литературоведение. Фольклористика». С. 179–186.
12. Быков Д.Л. Книга, автор и герой июня // Собеседник. 17.06.2018. URL: <https://sobesednik.ru/dmitriy-bykov/20180615-kniga-avtor-i-geroj-iyunya-literaturnyj-obzor-ot-dmitriya-bykova> (дата обращения: 10.06.2023).
13. Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М.: Наука, 1993. 304 с.
14. Десницкий А.С. Церковная безотцовщина // Газета.ru. 13.06.2018. URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/desnitsky/11794531.shtml> (дата обращения: 10.06.2023).
15. Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический проект, 2011. 880 с.
16. Иванова Н.Б. Проза Юрия Трифонова. М.: Советский писатель, 1984. 296 с.
17. Кислухина А. Как создавался фильм Михаила Ромма «Девять дней одного года» // Российская газета. 05.03.2022. URL: <https://rg.ru/2022/03/05/kak-sozdavalsia-film-mihaila-romma-deviat-dnej-odnogo-goda.html> (дата обращения: 10.06.2023).
18. Кузенков П. Конспект. Как Русская церковь выживала в СССР // Arzamas. 20.04.2017. URL: <https://arzamas.academy/materials/1306> (дата обращения: 10.06.2023).
19. Кучерская М.А. Книжная полка Майи Кучерской // Новый мир. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2006_10/Content/Publication6_2591/Default.aspx (дата обращения: 10.06.2023).
20. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература 1950–1990-е годы. Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений в 2 т. Т. 2: 1968–1990. М.: Академия, 2003. 689 с.

21. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. От «советского писателя» к писателю советской эпохи: Путь Юрия Трифонова. Екатеринбург: АМБ, 2001. 42 с.
22. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
24. Магд-Соэп К. де. Юрий Трифонов и драма русской интеллигенции / Под ред. М.А. Литовской. Екатеринбург: Издательство УрГУ, 1997. 240 с.
25. Мильчин К.А. Школота поймет // Известия. 17.06.2018. URL: <https://iz.ru/755850/konstantin-milchin/shkolota-poimet> (дата обращения: 10.06.2023).
26. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Из «Истории русской интеллигенции». Литературно-критические работы в 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1989. 526 с.
27. Оклянский Ю.М. Юрий Трифонов: Портрет-воспоминание. М.: Советская Россия, 1987. 240 с.
28. Патера Т.А. Обзор творчества и анализ московских повестей Юрия Трифонова. Ann Arbor: Ardis, 1983. 360 с.
29. Пискунов В.М. Чистый ритм Мнемозины. М.: Альфа-М, 2005. 608 с.
30. Ромм М.А. Беседы о кинорежиссуре. М.: Союз кинематографистов СССР, 1975. 264 с.
31. Селеменова М.В. Художественный мир Ю.В. Трифонова в контексте городской прозы второй половины XX века. URL: <https://www.dissercat.com/content/khudozhestvennyi-mir-yuv-trifonova-v-kontekste-gorodskoi-prozy-vtoroi-poloviny-xx-veka#ixzz3FGE8PDdt> (дата обращения: 10.06.2023).
32. Тмарченко Н.Д. Теоретическая поэтика: Понятия и определения: Хрестоматия для студентов / Авт.-сост. Н.Д. Тмарченко. М.: РГГУ, 2001. 467 с.
33. Теракопьян Л.А. Городские повести Юрия Трифонова // Трифонов Ю.В. Другая жизнь. М.: Известия, 1979. С. 655–684.

35. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. Л.: Госиздат, 1925. 238 с.
36. Трифонов Ю.В. Дом на набережной: Повесть, роман. М.: Локид, 1997. 429 с.
37. Шитов А.П. Время Юрия Трифонова: человек в истории и история в человеке. М.: Новый хронограф, 2011. 922 с.
38. Шкловский В.Б. Пародийный роман. «Тристрам Шенди» Стерна // Шкловский В.Б. О теории прозы. М.: Федерация, 1921. С. 177–204.
39. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
40. Эльяшевич А. Город и горожане. О творчестве Юрия Трифонова // Звезда. 1984. № 12. С. 170–185.
41. Юзефович Г.Л. Олимпиада, хип-хоп и кочегарка: три России в трех русских романах // Юзефович Г.Л. Таинственная карта. Неполный и неокончательный путеводитель по миру книг. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. С. 256–258.

Конспект урока «Тема предательства в романе Архангельского “Бюро проверки”»

Тема: «Тема предательства в романе Архангельского “Бюро проверки”»

Тип урока: открытие нового знания

Цель: активизация познавательного интереса учащихся к изучению творчества современного русского писателя А.Н. Архангельского.

Задачи:

1. образовательные: познакомить учащихся с биографией и творчеством А.Н. Архангельского; помочь учащимся увидеть и проанализировать тему предательства в романе Архангельского «Бюро проверки»;

2. развивающие: способствовать развитию у учащихся коммуникативных навыков, умения анализировать художественный текст;

3. воспитательные: воспитывать интерес к чтению русской литературы; обеспечить условия для воспитания чувства гуманизма и взаимовыручки.

Планируемые результаты:

Личностные: осознание значимости творчества А.Н. Архангельского для современной русской литературы и для расширения собственного читательского кругозора; умение определять собственное отношение к прочитанному; умение работать в команде; воспитание чувства гуманизма и значимости взаимовыручки.

Предметные: умение анализировать текст, выделять главное; умение выделять связь между отдельными фрагментами произведения; умение формулировать тему и проблематику произведения.

Метапредметные: развитие речи и критического мышления обучающихся; формирование коммуникативной компетентности (умение строить собственное устное высказывание); освоение умения участвовать в дискуссии, исходя из прочитанного.

Методы урока:

- по степени активности познавательной деятельности учащихся: словесные (беседа, дискуссия), исследовательский, частично-поисковый;
- по источнику получения знаний: словесные (беседа, дискуссия).

Планирование способов изучения темы урока строилось на основе таких практических методов: подготовка доклада о жизни и творчестве А.Н. Архангельского, групповая работа.

Возрастная категория: 11 класс

Оборудование и средства обучения:

- проектор;
- карточки с фрагментами произведений;
- презентация.

Ход урока

1. Организационный момент. Приветствие учителя.

2. Мотивационный этап.

– Как известно, в художественных произведениях всегда поднимаются нравственные проблемы. Например, в детстве вам читали сказки, где поднимался вечный спор добра и зла, где герои совершали героические поступки, убивая драконов и прочую «нечисть». Какие нравственные темы поднимаются в литературе XXI века?; Совпадают ли они с литературой прошлых столетий?; Каких авторов читают в наше время и почему? – на эти вопросы нам предстоит ответить на сегодняшнем уроке.

3. Подготовительная работа.

Доклад учащегося о личной и творческой биографии А.Н. Архангельского.

На слайде портрет писателя.

– Оставьте несколько строчек в тетради пустыми для обозначения темы и цели урока.

4. Аналитический этап.

– Мы проанализируем фрагменты романа Архангельского «Бюро проверки». Скажите, какие ассоциации у вас возникают с названием произведения?

Составление ассоциативного ряда.

– Предположите, о чем это произведение.

Групповая работа: учащиеся делятся на четыре группы. Каждая группа получает карточку с фрагментом текста и опорными вопросами для анализа. В ходе представления анализов каждой группой учащиеся заполняют таблицу характеристики главных героев.

Анализ 1 фрагмента:

№ 1.

«А ведь это все Сумалей М.М. Его работа. <...> Прибился я к нему почти случайно. Аспирантам-первогодкам полагались краткосрочные бессмысленные семинары. <...> на сладкое достался многолюдный семинар у Сумалея, “Философские аспекты урбанизма”, общий для всех гуманитарных факультетов.

– Ноговицын, – Сумалей смотрел на меня затяжным недоверчивым взглядом. – Очень хорошо. <...> А имя-отчество? Алексей Арнольдович.

Михаил Миронович <...> вдруг добавил полупшепотом: мне кажется, мы сможем с вами пообщаться <...> Так я заслужил доверие Учителя. И сложную, изменчивую дружбу»

Назовите имена героев данного фрагмента.

От лица какого героя ведется повествование?

Что мы узнаем о героях из этого фрагмента? Какие отношения между Сумалеем и Ноговицыным?

– Предлагаю вам начертить таблицу для характеристики главных героев романа, которую мы будем заполнять в ходе работы.

Алексей Ноговицын	Профессор Сумалей

Анализ 2 фрагмента:

№ 2.

«Приехали какие-то странные товарищи из комитета <...> Разговор был неожиданный и странный; все крутилось вокруг Сумалея <...> Ноговицын, собирает ли

товарищ Сумалей домашние кружки и обсуждает ли на них религиозные вопросы? Нет, не собирает. А почему вы это спрашиваете? Здесь вопросы задаем мы <...>

Баба Оля тоном воспитательницы произнесла:

– Ты, Ноговицын с кем там связался, чего натворил?

– Это я как раз хотел спросить... А Михаил Мироныча на эту встречу вызывали?

– Вызывали.

– А он что?

– Ваш Сумалей в своем репертуаре. Трубку снял, но молчит <...> Вы же его знаете.

Опытный лис. Может на дачу уехал, может что. Думаю, теперь до сентября: он же в отпуске, имеет право»

Что происходит с героем в данном фрагменте?

Почему Ноговицына расспрашивают о Сумалее?

Как в 1980 году относились к религии? Почему у героя спрашивают про религиозные кружки?

Как ведет себя герой и как это его характеризует? Запишите характеристику Ноговицына в таблицу.

Анализ 3 фрагмента:

№ 3.

«“Дом книги” был насквозь просвечен солнцем и напоминал поцарапанный стеклянный куб. В глубине, у витрины с поэзией одиноко стоял Сумалей <...> Озираясь и придавливая голос, он спросил:

– Вы, разумеется, в курсе?

– Еще бы, Михаил Мироныч. Я там сегодня был. Оттуда – сразу к вам. Стучал, звонил...

– Я же говорил вам, не надо ко мне, бесполезно.

Он начал бесконечно уточнять. Кто по моему субъективному мнению, мог быть автором доноса; как толкую обвинение в подпольных семинарах (“Вы же понимаете, Алеша, что никаких подпольных семинаров я не вел? Вы же это подтвердите, правда?”) <...>

– И вы знаете, я, кажется, придумал! – энтузиастически воскликнул Михаил Мироныч.

– Что же вы придумали? – опешил я.

– Как мы будем вас спасать.

У меня отлегло от сердца. Значит, я ошибся – и он думает не только о

себе. Захотелось прижать старика, чмокнуть его в складчатую щеку.

– Над вами нависла угроза. Так? Большая угроза. Так? Значит – что? А? Значит – вы сами подставьтесь <...> Завтра на комиссии сделайте заявление, что вы подделали цитату.

– Ту, которую вы...

– Нет-нет, никакого “которую вы”. Это не я, это ваша идея! Осознали, каетесь, желаете исправить.

– Хорошо, Михаил Мироныч, я взвешу, – ответил я безвольно и чуть не заплакал.

– Вы ошиблись, вы раскаялись, вы хотите признаться. Я тут ни при чем! Ни сном ни духом! До свиданья, Алексей Арнольдович!».

Какие чувства испытывает Ноговицын при разговоре с профессором?

Сравните поведение героев. Почему Ноговицын расстраивается из-за слов профессора? Что мы можем сказать о Сумалее, исходя из данного диалога?

Кто, по вашему мнению, поступает честно?

Исходя из прочитанных фрагментов и таблицы, скажите, можно ли утверждать, что Сумалей предает Ноговицына?

Предположите, предаст ли Ноговицын профессора, после данного диалога.

– Допишите характеристики в таблицу.

Анализ 4 фрагмента:

№ 4.

«– Ты сейчас при всех признаешь, что у Сумалея был кружок. Не религиозный, согласились. Но домашний. Мы запротоколируем. Перечислишь Дуганкова, Насонову и... кого там наши повязали? На Кутузовском. Им ничего не сделают, поверь мне...

– Спасибо вам большое... но не надо.

– Почему это не надо?

– Во-первых, Сумалей с Насоновой не связан, он вряд ли помнит о ее существовании, какой там может быть кружок! А главное, я не хочу стучать на Сумалея. Не хочу – и не буду»

Предаст ли Ноговицын профессора Сумалея?

Как вы считаете, Алексей поступил правильно?

Можем ли мы назвать Алексея Ноговицына высоконравственным, честным и смелым человеком?

Представление анализов фрагментов текста группами, обобщение.

– Мы проанализировали фрагменты текста. Попробуйте определить основную проблему романа. Сформулируйте тему и цель нашего урока и запишите ее.

Формулировка учащимися темы и цели урока.

5. Обобщение изученного материала.

– В начале урока вы приводили ассоциации к названию романа⁶⁷. На самом деле, семантика названия связана с ситуацией в Советском союзе в 1980 году. В то время постоянно проходили проверки, в связи с политической обстановкой. Сомнительные личности подвергались аресту и допросам – это и дало название роману. «Бюро проверки» в романе представлено в образе людей, которые допрашивают Ноговицына.

– В каких еще произведениях описывается предательство?

– Как вы считаете, актуально ли обращение к таким нравственным темам для современной литературы? Почему?

– Какой личный (моральный) урок вы извлекли из сегодняшнего занятия?

6. Домашнее задание

– Напишите эссе на одну из предложенных тем: «Как бы я повел себя на месте Ноговицына?», «Мое отношение к Сумалею», «Сложно ли было оставаться честным в 1980-х?».

7. Рефлексия

Учащимся предлагается дополнить облако "тегов", которые выведены на слайд:

сегодня я узнал...

было трудно...

я понял, что...

я научился...

я смог...

было интересно узнать, что...

меня удивило...

мне захотелось... и т.д.

Каждый ученик выбирает по 1–2 предложения и заканчивает их.
Рефлексия проводится в устной форме.